

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ
(РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

•
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Материалы секций
XLIV Международной филологической конференции

*10–15 марта 2015 г.,
Санкт-Петербург*

Санкт-Петербург
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (Русско-славянский цикл)

<i>Абреимова Г. Н. (Елец)</i> Трансформированные фразеологические единицы, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное» .	3
<i>Брыкова А. А. (СПб.)</i> Очаг vs детский сад	8
<i>Грекова М. В. (Томск)</i> Структура словарной статьи в «Словаре пищевой метафоры» (на материале тематической группы «Изделия из теста»	12
<i>Донина Л. Н. (СПб)</i> Изменения в названиях лиц педагогических профессий	19
<i>Резвухина Ю. А. (Новосибирск)</i> Общеязыковое, региональное, диалектное: проблемы разграничения (на примере лексемы <i>юрта</i>)	26
<i>Семенова С. Ю. (Москва)</i> Компьютерная лексикография как отдельная научная и учебная дисциплина	33

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Васильева О. В. (СПб.)</i> О «друзьях» и «других» в обиходном языке Московской Руси (Словообразовательное гнездо с корнем <i>друг</i> в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков).....	42
<i>Кортава Т. В. (Москва)</i> О «грамматическом разуме» «безграмотных крючкотворцев» и их наследников	51

Научное издание

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (Русско-славянский цикл)

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Материалы секций
XLIV Международной филологической
конференции

10–15 марта 2015 г.,
Санкт-Петербург

Итак, наиболее частыми приемами преобразований субстантивных ФЕ являются расширение компонентного состава за счет прилагательных и замена компонента ФЕ. Реже встречаются трансформация ФЕ по контрасту, контаминация ФЕ, а также внутренняя и внешняя морфологическая трансформация.

Сокращения

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru>.

ФВРР — Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи : словарь. М. : Русские словари, 1997.

Примечания

¹ Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 35.

² Здесь и далее в примерах из НКРЯ источник цитаты приводится в том виде, в каком он дан в НКРЯ.

³ Абреимова Г. Н. К вопросу о фразеологической контаминации в русском языке // Вестник ЕГУ им. И. А. Бунина. Вып. 3. Сер. «Филология». Елец, 2004. С. 68.

А. А. Брыкова

Санкт-Петербургский государственный университет

ОЧАГ VS ДЕТСКИЙ САД

«Мань, а Мань, идем в очаг,
в дочки-матери играть» [1930, 1]¹.

Согласно словарю Д. Н. Ушакова, вышедшему в период с 1935 по 1940 г., слово *очаг* из приведенного в эпиграфе примера имеет следующее значение: *детский очаг* (неол.) — «воспитательное учреждение, куда занятые работой матери приводят своих малолетних детей на время пребывания на работе»². В словаре это значение слова снабжено, как видим, пометой «неол<огизм>».

Исследование материалов журнала «Чиж» (выходил в Ленинграде с 1930 по 1941 г., был рассчитан на читателей-детей в возрасте 6–8 лет) показывает, что слово *очаг* в указанном значении было достаточно распространено и имело большой деривационный и коннотативный потенциал. Тем интереснее и необычнее тот факт, что это значение слова просуществовало недолго и в конце 1930-х годов

было полностью вытеснено другим словом (словосочетанием) — калькой с немецкого — *детский сад*.

Слово *очаг* представляет собой заимствование из тюркского языка: уменьшительно-ласкательное от *ос* — «огонь»³, что и объясняет первое значение слова: «устройство для разведения и поддержания огня, печь»⁴. Первые примеры употребления датируются XVI в.⁵

На русской почве слово расширяет свое значение, приобретает коннотации и, согласно словарю В. И. Даля, может быть использовано в том числе применительно ко всему дому, избе, семье: «Домашний очаг, своя семья, своя изба»⁶.

Сема семьи, дома и связанные с ними ассоциации (тепло, забота и др.) и определяют новое, исследуемое здесь значение слова *очаг*, как и тот экстралингвистический факт, что первые очаги в СССР появились в колхозах (т. е. в деревнях).

Новое значение определяет и набор словоформ, чаще всего встречающихся в материалах журнала «Чиж»: формы предложного падежа с предлогом *в*, родительного падежа с предлогом *из* или же без предлога, формы винительного падежа, что характерно для слов с семой «пространство»:

В очаге начинается работа по-осеннему. <...> Все приходят в очаг вовремя, без опозданий [1932, 7–8];

Крепко задумались ребята из второго очага — как им лучше встретить праздник Октябрьской годовщины [1931, 10];

Этот рассказ написали ребята старшей группы 3-го очага [1932, 4–5].

Само слово *очаг* использовалось как в прямом значении, так и в значении «совокупность людей, находящихся в учреждении или принадлежащих к этому учреждению», метонимический перенос такого рода также характерен для слов с семой «пространство»:

Это 32-й очаг. У нас случилось... Умная Маша, у нас в живом уголке есть ястреб — его нам один охотник подарил [1936, 3];

Коля Кауркин руками двигает, как милиционер, кричит: — Очаг, иди на тот угол. Когда на дачу ехали, там слезали — я помню [1933, 10].

Обращает на себя внимание последний пример, где метонимически употребленное слово *очаг* появляется в позиции обращения. Выбор обращения всегда социально обусловлен — следовательно, слово, появляющееся в позиции обращения, нагружено дополнительными коннотациями.

Коннотативный потенциал слова *очаг* в большей степени проявляется в его дериватах, в первую очередь в слове *очаговец* в значении 'ребенок, посещающий очаг':

Я ее [Умную Машу. — А. Б.] успокоил, сказал — будут звонить [в редакцию. — А. Б.] и *очаговцы*. Вы уж, ребята, не подведите, звоните и рассказывайте Маше всё интересное [1936, 1].

Слово образовано по аналогии со словом *комсомолец*, путем прибавления суффикса *-ец* к основе прилагательного *очаговый*: деривация имеет двухступенчатый характер.

Слово *очаговец* включается в один ряд не только со словом *комсомолец*, но и со словами *пионер*, *октябренок*, *школьник*. Все эти слова являются маркерами социальных ролей и на языковом уровне отражают процесс формирования новой социальной системы, в которую естественным образом были включены и дети. Каждая социальная роль предполагает набор собственных функций, а сам факт принятия этой роли означает принадлежность к социальной системе нового государства — следовательно, слово-маркер роли будет положительно окрашено.

Слово *очаговец* чаще всего используется в форме множественного числа (тем самым на грамматическом уровне отражается значение общности, совместности), в том числе и в позиции обращения, либо самостоятельно, либо в качестве приложения к слову *ребята*:

Ребята очаговцы! Как вы знаете, комсомол — смена партии, пионеры — смена комсомолу, октябрю идут на смену пионерам, а вы, очаговцы, должны стремиться в октябрю [1932, 2].

Использование лексемы *очаговец* в сочетании со словом *ребята* также весьма показательно, поскольку слово *ребята* было основным способом обозначения детей советского государства. Широкое распространение это слово получило именно в указанный период⁷ и как по своим функциям, так и по культурным коннотациям может быть соотнесено со словом *товарищ*.

Указанные семантические сдвиги коснулись и притяжательного прилагательного *очаговский*, образованного с помощью суффикса *-ск-* по аналогии с прилагательными *пионерский*, *комсомольский* и др. Однако в случае со словом *очаговский* словообразование было двухступенчатым: суффикс прибавлялся не к корню, а к основе слова *очаговый*. Таким образом удавалось избежать омонимии (развести

относительное прилагательное *очаговый* и притяжательное прилагательное *очаговский*) без потери благозвучности.

В исследованном материале встретились словоформы как мужского, так и женского рода, а само слово, судя по контекстам, обладало потенциалом качественного прилагательного, что объясняется культурными коннотациями производящего слова:

Ребята! Придумайте вещи, которые нужны вам в вашей очаговской и домашней работе: новые игрушки, инструменты, машины [1932, 11–12];

Ребята, сегодня пришла ко мне Умная Маша — косички растрёпаны, сама красная — обиделась. А знаете, на кого она обиделась? На очаговских ребят [1936, 1].

Коннотативный потенциал слова *очаг* и его дериватов давал возможность еще большего переосмысления слова, вплоть до образования неологизмов и включения слова в устойчивые выражения:

А вокруг тех ребят сразу собралась целая толпа, спрашивают: откуда это они такие организованные? — Ребята, да это гогочки! — Эй, вы гоги, голые ноги! [1932, 11–12];

А ребята дразнятся: — Петрушка, синдерюшка, в огороде вырос. — А я отвечаю: — Не в огороде, а в очаге [1939, 3].

В первом примере слово *очаговцы* трансформируется в слова *гоги/гогочки*, явно негативного характера⁸, так как оно использовано в детской дразнилке. В основе преобразования лежит фонетическое созвучие, в том числе рифменное. В исследованном материале этот пример является единичным, однако сам факт его появления показательен: литература для детей предполагает строгий отбор языкового материала, в том числе и ориентацию на разговорную живую речь. Во втором примере слово *очаг* включено в переосмысление устойчивого выражения, также являющегося детской дразнилкой.

Таким образом, исследование показало, что слово *очаг* в значении 'детское воспитательное учреждение' было широко распространено и обладало значительным деривационным и коннотативным потенциалом, однако уже в конце 1930-х годов оно стало заменяться словосочетанием *детский сад* (а также компрессивным образованием *детсад*), которое в конце концов полностью вытеснило слово *очаг* в указанном значении, вероятно, из-за своего более наглядного

культурного символизма: детский сад как место, где можно вырастить новое поколение.

Примечания

¹ Здесь и далее цит. по источнику: Чиж : ежемесячный журнал для детей младшего возраста. Л., 1930–1941, в ссылке указываются год и номер журнала.

² Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938. Стб. 1030.

³ См.: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961. С. 239.

⁴ Толковый словарь... Т. 2. Стб. 1030

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1988. С. 93.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М. ; СПб., 1881 [Репринтное издание]. С. 775.

⁷ Так, в книге «Живой как жизнь» К. И. Чуковский пишет: «Прежде, обращаясь к малышам, мы всегда говорили: *дети*. Теперь это слово повсюду вытеснено словом *ребята*. Оно звучит и в школах и в детских садах, что чрезвычайно шокирует старых людей, которые мечтают о том, чтобы дети снова назывались детьми. Прежде ребятами назывались только крестьянские дети (наравне с солдатами и парнями)» (Чуковский К. И. Живой как жизнь : о русском языке. М., 2010. С. 22).

⁸ Интересно отметить, что слово *очаг* в современном языке также обладает двойственными коннотациями, негативными и позитивными, в зависимости от речевого окружения, семантики слова, с которым оно образует словосочетание: ср. например, *домашний очаг* и *очаг воспаления*.

М. В. Грекова

Томский государственный университет

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В «СЛОВАРЕ РУССКОЙ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ» (на материале тематической группы «Изделия из теста»)*

Русская пищевая традиция как часть национальной культуры нашла отражение в семантике образных лексических и фразеологических единиц русского языка, называющих различные явления действительности по аналогии с явлениями гастрономической сферы. Образные слова и выражения содержат культурную коннотацию, ко-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207 а — «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

торую В. Н. Телия определяла как интерпретацию «денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры»¹. Интерпретация культурной коннотации предполагает объяснение не только понятийного содержания, но и всех дополнительных смыслов, входящих в лексическое значение, с точки зрения категорий материальной и духовной культуры, которую можно сравнить с зеркалом, отражающим мировидение, мировоззрение народа. Язык же благодаря своим функциям хранит и передает эту память народа как из прошлого в настоящее, так и из настоящего в будущее.

Лексикографирование образных слов и выражений русского языка требует разработки особой методики, позволяющей эксплицировать стоящие за образным словом глубинные концептуальные структуры, определяющие мышление языковой личности. Интерпретация значения и употребления образного слова в словаре раскрывает не только языковое значение, но и «широкий спектр энциклопедических знаний и сведений, обуславливающих языковую семантику и погружающих её в более широкий семиотический контекст культуры»². Разработка принципов лексикографирования образных слов и выражений является актуальной задачей для составителей словарей, описывающих фразеологический состав языка (А. Н. Баранов, А. К. Бирих, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.), поэтические (А. И. Васильев, А. Л. Голованевский, Н. В. Павлович и др.), дискурсивные (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов) и языковые метафоры (Т. С. Аристова, Е. А. Рысева, Г. Н. Складневская и др.), пословицы, поговорки и крылатые фразы (Л. П. Дядечко, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова и др.); прецедентные феномены, образы и символы (Д. Б. Гудков, В. В. Красных и др.).

Ряд словарей образных слов и выражений русского литературного языка и диалектов создан представителями Томской диалектологической школы (О. И. Блинова, С. Э. Мартынова, М. А. Толстова, Е. А. Юрина): «Словарь образных единиц сибирского говора» (2014), «Словарь образных слов русского языка» (2007), «Словарь образных слов и выражений народного говора» (1998; 2001). На основании общности объекта лексикографирования, в качестве которого выступают единицы языка, иносказательно обозначающие называемые явления, факты, события, все выше перечисленные словарные труды могут составить единое лексикографическое направление, которое профессор Е. А. Юрина предлагает определить термином «фигуративная лексикография»³.